

УДК 801.73+91'42

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ГЕРМЕНЕВТИКИ В АКТУАЛЬНЫХ ИНТЕРПРЕТАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ

М.В. Оборина

Тверской государственной университет, Тверь

Понятийный аппарат филологической герменевтики позволяет ей занять место методологии гуманитарных дисциплин в эпоху глобализации. Роль и место герменевтики в современной гуманитаристике повышается вследствие кризиса традиционных филологических дисциплин, замены континуальности актуальным дискурсом и расширением поля интерпретативных практик.

***Ключевые слова:** филологическая герменевтика, интерпретация, текст, постструктурализм, глобализация, гуманитарные исследования.*

Понятийный аппарат филологической герменевтики, долгое время наполнявшийся переосмысленными инструментами, объектами и подходами различных гуманитарных предметов, позволяет ей занять место методологии гуманитарных наук в эпоху глобализации. Кризис традиционных филологических дисциплин, выражающийся в утрате роли чистой филологии, смещении акцентов в гуманитарном образовании в сторону коммуникативистики и культурологии, выводит на передний план герменевтику в качестве «универсального» основания работы с текстами, их производства и интерпретации. Сегодня полем интерпретативных практик являются не только специальные филологические исследования текстов культуры, но и любая другая деятельность, связанная с использованием дискурса.

Попробуем выявить основания обновлённой роли филологической герменевтики, рассмотрев примеры изменения гуманитарного контекста, развитие герменевтического понятийного аппарата и расширение поля интерпретационных практик герменевтики.

Своеобразие сферы, с которой имеют дело гуманитарные науки, состоит в том, что познающий субъект сам есть часть той сферы, которую ему надлежит познать. Из этой констатации вырастает знаменитая формула Дильтея, согласно которой «природу мы объясняем, духовную жизнь мы понимаем» [10]. В традиционной герменевтике предполагается принципиальная изоморфность (однородность) универсума смысла, частью которого являются и интерпретатор, и интерпретируемый. Концепция «слияния горизонтов» провоцирует иллюзию бытия «там и тогда», не учитывая невозможности избавления от современного актуального опыта (например, мы не можем читать произведения художествен-

ной литературы так и тогда, как их читали современники или соплеменники) [8].

«... стихи Пушкина как поэтический факт сейчас непонятнее, невразумительнее Маяковского или Хлебникова. Каждый факт поэтического языка современности воспринимается нами в неизбежном сопоставлении с тремя моментами: наличной поэтической традицией, практическим языком настоящего и предстоящей данному проявлению поэтической задачей» [12, с. 272].

Кардинальное изменение того, что мы сегодня считаем текстами культуры и отношения к ним, реализуется в самых разных формах: движение к дискурсивной всеобщности (стирание граней между специфически ориентированной литературой, уход от безличности даже в литературе жанра деловой коммуникации, втягивание реципиента в диалог с помощью различных приёмов текстопостроения – изменение позиции автора; использование актуального дискурсивного материала и «размывание» границ жанров и адресатов; постоянное взаимодействие читателя и рассказчика, который своим рассказом непосредственно творит художественную реальность, а не находит её предданной; кризис представлений о литературном каноне. Все эти и, очевидно, другие черты осложняют работу с текстами традиционными методами: и стилистический анализ, и структурный анализ теряют свою основную цель: включение текста в континуум культуры и индоктринацию носителей этой культуры. Американский исследователь Д. Хиллис Миллер описывает сложившуюся в академической гуманитаристике ситуацию следующим образом:

«... United States cultural life is made up of diverse interpenetrating cultural communities speaking and writing in many different languages. These communities cannot easily be reconciled. ... These values would be impossible to unify by some overarching idea of universal human “culture”. Nor does any individual belong unequivocally to any one of these communities. Each self is inhabited by its other or by an indeterminate number of “others”, in plural swarming. No Habermasian dialogue, conversation, or communicative discourse could or should bring all this diversity back to consensus»¹ [13].

¹ «В культурной жизни Соединенных Штатов участвуют различные взаимопроникающие культурные сообщества, говорящие и пишущие на разных языках. Эти сообщества с трудом поддаются унификации. ... Их ценности невозможно объединить какой-либо высшей идеей универсальной общечеловеческой “культуры”. В то же время, ни один индивид не может быть безапелляционно отнесён к какому-то одному из этих сообществ. Каждая индивидуальность сохраняет в себе свою противоположность или даже целый ряд противоположностей, их может быть огромное множество. Никакой диалог в стиле Хабермаса, никакая беседа или коммуникативный дискурс не могут и не должны приводить это разнообразие к прежнему консенсусу» (перевод наш. – М.О.)

Согласно официально принятым взглядам на Humanities, эти дисциплины «are primarily of use to teach “communication skills”». Однако, совершенно очевидно, что «... the product of value we make in the humanities is discourse of a particular kind: new readings, new ideas» [13].

Как пишет В. Малахов,

«... суть герменевтического взгляда на традицию ... заключается в представлении о традиции как некоем континууме. Если этот континуум оказался нарушенным, сторонники герменевтики тут же стремятся его восстановить. Отсюда проистекает характерная для герменевтов (и для приверженцев метода “истории идей” вообще) тенденция к игнорированию реальной сложности историко-культурных явлений» [8].

Вместе с тем, континуум текстов культуры, становящийся объектом и контекстом филологической герменевтики, «схватывает» ситуацию мультикультурности и глобализации, культурный континуум утрачивает линейность, приобретая многоплоскостность, свойственную современному актуальному дискурсу. В каждой культуре есть свой собственный контекст, и «приживается» в ней только то, что «вписывается» в этот контекст. Контекстный подход в герменевтике реализуется в понятии «речевой ментальности в герменевтическом и этногерменевтическом анализе» (термин О.Г. Почепцова) и позволяет объяснить как стратегии отбора предметной информации при построении текстов в разных культурных контекстах, так и связанные с этим стандарты ожидания (expectations) и понимания. Менталитет – то, что в речемыслительных актах определяется социокультурными (а не языковыми) факторами [11], но затем опредмечивается в текстах культуры, причём по преимуществу в текстах вербальных, в которых национально-культурный менталитет можно трактовать как одну из модальностей текста. Очевидно, что все модальности переживаемы, и понимание менталитета как исторически обусловленной «духовной оснастки», присущей данному обществу, ввел в науку историк Люсьен Февр.

Герменевтика постепенно перестала быть сводом правил, приобретая статус всеобщего искусства понимания, а затем, дистанцировавшись от собственного метода, благодаря М. Хайдеггеру и его последователям превратилась в онтологию понимания [6]. Мы можем сегодня рассматривать дискурсы, созданные той или иной лингвокультурой, как её герменевтические стратегии. Интерпретирующие усилия отдельной традиции свидетельствуют об определённом виде экзистенции, об определённой форме понимающего бытия (см.: [6]).

Роль герменевтики с необходимостью изменяется, она становится методологией сохранения филологичности человеческой деятельности в целом. Поскольку сознание, культура, ментальность, способы понимания себя, а через них и социальные практики поколений, народов и целых цивилизационных формаций были в значительной степени сфор-

мированы национальными поэтами, «обучаясь понимать их тексты, мы приобретаем способность понимать окружающий мир, живущих в нем людей, и среди них не в последнюю очередь – себя самих» [5]. Помимо включения традиционных текстов в орбиту современного опыта, герменевтика позволяет изучать тот «мощный культурный слой интерпретационных практик, который сложился вокруг этих текстов культуры, и, разбирая эти произведения в свете существующего опыта их понимания, мы приучаемся видеть и распознавать множественность смыслов, которые можно приписать одним и тем же событиям и словам» [5]. Научившись говорить о сложных текстах, человек без труда справляется с более простыми текстами в иных дискурсивных сферах.

«Важнейшей практической задачей гуманитарного образования становится обучение словесности в первичном смысле этого слова, овладение техниками, навыками понимания текста, его обсуждения, переработки, интерпретации и т.д. Начиная с самых простых текстов» [5].

На экспансию Cultural Studies указывают сегодня многие гуманитарии – филологи в последнее время расширили сферу деятельности, перенеся фокус гуманитарных исследований на изучение самых простых форм словесной деятельности человека, которые традиционно были вне сферы внимания гуманитарной науки (см.: [5; 13]).

Герменевтика относится к любому акту употребления языка как частице непрерывно движущегося потока человеческого опыта. Основные качества этой единицы деятельности – многогранность, динамичность, незавершенность (как потенциальную способность быть включенным в иные контексты интерпретации) и ассоциативность [4].

М. М. Бахтин писал о том, что

«... индивидуальный речевой опыт всякого человека формируется и развивается в непрерывном и постоянном взаимодействии с чужими индивидуальными высказываниями. Этот опыт в известной мере может быть охарактеризован как процесс освоения – более или менее творческого чужих слов (а не слов языка). Наша речь, то есть все наши высказывания..., полна чужих слов, разной степени чужести или разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности» [2, с. 460; 7].

Наиболее радикальные представители постструктурализма, такие как Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Деррида, Р. Барт, Ж. Кристева, П. де Ман, отрицают языковой и культурный «порядок» как принцип. Постмодернистская мысль характеризуется «неверием в мета-нарративное» – то есть отказом признать за некоторыми метадискурсами право рамочного структурирования текстов и других продуктов языковой деятельности. Не признавая за текстом способности заключать в себе несколько разных смыслов и обладать определенной степенью свободы (в рамках данной

структуры), Р. Барт возражает против «объективного значения» и «определённости» чего бы то ни было как принципа.

«Тексту присуща множественность. Это значит, что у него не просто несколько смыслов, но что в нем осуществляется сама множественность смыслов как таковая – множественность неустранимая, а не просто допустимая. В тексте нет мирного сосуществования смыслов – Текст пересекает их, движется сквозь них; поэтому он не поддается даже плюралистическому истолкованию, в нём происходит взрыв, рассеивание смысла» [1, с. 417].

Тенденция, с которой мы всё чаще сталкиваемся – отказ от интерпретативности, от толкований. Обратной стороной этой тенденции является принципиальный перенос фокуса с текста на образ – как нечто, не требующее понимания, а следовательно и не поддающееся интерпретации. Первоначально реальность чувственных образов (музыкальных, звуковых, визуальных) рефлексировалась в рамках семиотики. Если ранее была предпринята попытка текстуализовать зрительные и другие чувственные образы и интерпретировать их семиотически через теорию знака и т.д., то сейчас преобладание в культуре чувственного образа над смысловым наполнением стало настолько мощным, что распространилась обратная идея понимать тексты (и то, что считалось текстами) не герменевтически. Ещё Сьюзан Зонтаг писала, что нужна не герменевтика, а эротика литературы, т.е. её чисто чувственное восприятие. С этим связан вопрос о методах и техниках работы с так называемыми «принципиально не герменевтическими объектами», в отношении которых неприменимы интерпретационные техники. Ответ, видимо, лежит в плоскости уточнения терминов «понимание» и «чувствование». В филологической герменевтике используется понятие «значащее переживание» – смысл особого рода, с помощью которого «чувствование» таких объектов может быть описано. Переживаемый смысл как феноменологический конструкт может трактоваться как значащее переживание, а не как эмоция.

«Очевидно, значащее переживание – одна из организованностей рефлексии и – одновременно – субъективное инобытие ноэватического процесса от момента появления ноэм до момента интендирования топоса духа (онтологической конструкции человека)» [3].

Таким образом, чувственное переживание оказывается включённым в текстовую парадигму дважды: как описываемый (объясняемый) образ и как организованность рефлексии. Особый, метафорический, подход свойственен и раввинистической герменевтике (по иным основаниям – как бегство от логоса), где слово и вещь неразрывно связаны, отношение слова к вещи не является отношением абстрактного к конкретному. В отличие от репрезентации (знак) мы имеем дело со схваченной реальностью (образом), этот образ не объясняется и не ин-

терпретируется в точном смысле этого слова. Вместо этого возникает практика комментирования. Эти толкования «подобны фигурам поэтической речи и отнюдь не являются истолкованием того, о чём говорит стих». Одна из герменевтических стратегий – переложение содержания в поэтической форме («раскрыть, одновременно скрывая») [6].

Лингвистический подход к языку направлен на то, чтобы увеличить обобщающую силу правила и суммарный объём покрываемого им материала. Это создаёт модель языка как объекта рационального познания, но не описывает языковую деятельность говорящих в собственном смысле. Генерируемая таким образом картина языка принципиально лежит в иной плоскости по отношению к тому, как переживает язык и пользуется языком говорящий субъект, потому что «она помещает язык в принципиально иные условия, чем те, в которых реально находится человек в процессе языкового существования» [4, с. 63]. Умение видеть и использовать «чужие слова» становится тем навыком, который прививается в рамках работы с объектами методами филологической герменевтики. Это отвечает духу антропоцентризма реализованного в эпоху глобализации и актуального дискурса с его сменой отношений с субъект-объектных на субъект-субъектные («понять себя, понимающего текст; услышать себя, использующего язык»). В ситуации, когда пространство духа перестаёт осознаваться как континуальное, континуальность становится результатом специального действия. Естественно существующее непонимание может перейти в понимание только в результате специально организованного действия, а понимание необходимо организовывать и как стратегию текстопостроения, и как стратегию текстовосприятия. Согласно М.К. Мамардашвили, сознательное планирование феномена непонимания есть способ жизни художественных произведений. Это прежде всего относится к способностям формы вызывать творческий акт понимания со стороны субъекта [9].

Предметом филологической герменевтики является понимание – усмотрение и освоение идеального, представленного в текстовых формах. Тексты могут быть на естественных языках или на «языках» других искусств; в широком смысле текстом является любой след целенаправленной человеческой деятельности. С герменевтической точки зрения методология чтения и интерпретации текстов вербальных даёт основания для построения методик «прочтения» всех остальных текстов и квазитекстов. Постоянно пополняющийся свод техник понимания текста представляет собой идеальный понятийный инструментарий гуманитарных практик, позволяющий осваивать все три типа ситуаций, представленных в текстах актуального дискурса, – ситуации знаковые (такие, в которых непонимание может или могло бы возникать в связи с характером знаков и их отношений), ситуации объективной реальности (непонимание возможно благодаря сложности

связей и отношений между выраженными в тексте представлениями) и, наконец, ситуации идеально-реальностные (такие, в которых не понимание возникает или может возникнуть благодаря сложности и необычной структурированности представленных в тексте смыслов, равно как и их отношений и их развития по ходу чтения) [3].

Техники понимания, обращенного на тексты культуры, – это совокупность мыследеятельностных приёмов, способных превращать непонимание в понимание, восстанавливать утраченные интерпретативные контексты. Научение рефлексии, включающее научение техникам понимания, позволяет человеку понимать самому, исходя из своей конкретной ситуации (контекста). Шесть групп техник понимания текста охватывают все возможные способы действий со смыслами. Одной из особенностей понятийного аппарата филологической герменевтики является то, что техники понимания «улавливаются» в ходе наблюдения над деятельностью понимающего субъекта, а значит обладают таким свойством как динамичность. Более того, многие из техник описывались ранее различными авторами, но описывались не в качестве техник, а в ходе разработки каких-то других процессов, конструктов или категорий. Герменевтическое изучение техник понимания – это использование всего духовного опыта человечества при освоении мира смыслов: в самом общем виде техники понимания текстов культуры – это тоже способы освоения мира, но освоения не через накопление знаний, а через усовершенствование способов обращения рефлексии на мир [3].

Список литературы

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательного текста [Текст] / Р. Барт : пер. с франц. Г. К. Косикова // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв : Трактаты, статьи, эссе / сост., общ. ред. Г.К. Косикова. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1987. – С.387–422.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров [Текст] / М. Бахтин // М.М. Бахтин. Литературно-критические статьи. – М. : Прогресс, 1986. – С. 428–472.
3. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику [Электронный ресурс] / Г.И. Богин. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/bogin_obretnie. – Дата обращения: 11.04.2013. – Загл. с экрана.
4. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б. Гаспаров. – М. : Новое лит. обозрение, 1996. – 352 с.
5. Зорин А.Л. Гуманитарное образование в трёх национальных образовательных системах [Электронный ресурс] / А. Зорин. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2009/11/12/gumeducation/> Дата обращения: 11.04.2013. – Загл. с экрана.

6. Ковельман А.Б., Гершович У. Бегство от логоса: к пониманию раввинистической герменевтики [Электронный ресурс] / А. Ковельман, У. Гершович. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/ko4-pr.html>. – Дата обращения: 10.04.2013. – Загл. с экрана.
7. Лотман Ю.М. Культура и взрыв [Текст] / Ю. Лотман. – М.: Прогресс Гнозис, 1992. – 271 с.
8. Малахов В. Герменевтика и традиция [Электронный ресурс] / В. Малахов. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_01/1999_1_01.htm. – Дата обращения: 11.04.2013. – Загл. с экрана.
9. Мамардашвили М.К. Обязательность формы [Текст] / М.К. Мамардашвили // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – С. 86–90.
10. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике [Текст] / П. Рикёр; пер. с франц. и вступит. ст. И. Вдовиной. – М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. – 623 с.
11. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира [Текст] / О.Г. Почепцов // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110–122.
12. Яacobсон Р.О. Новейшая русская поэзия. набросок первый: Подступы к Хлебникову [Текст] / Р.О. Яacobсон // Яacobсон Р.О. Работы по поэтике: Переводы / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 272–316.
13. Miller, J. Hillis. Studying English literature in the transnational university [Электронный ресурс] / J. Hillis Miller. – Режим доступа: http://www.pum.umontreal.ca/revues/surfaces/vol6/miller_2.html. – Дата обращения: 10.04.2013. – Загл. с экрана.

CONCEPTUAL FRAMEWORK OF HERMENEUTICS IN MODERN INTERPRETATIVE APPLICATIONS

M.V. Oborina

Tver State University, Tver

The conceptual framework set up by philological hermeneutics secures it a leading position in humanities in the era of globalization with its impact on traditional values in academic and research fields. Hermeneutical methods become applicable in swiftly expanding spheres of activities.

Keywords: *philological hermeneutics, interpretation, text, poststructuralism, globalization, research in humanities, linguistics.*

Об авторе:

ОБОРИНА Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Тверского государственного университета, e-mail: mobor@mail.ru

Научная библиотека ТвГУ